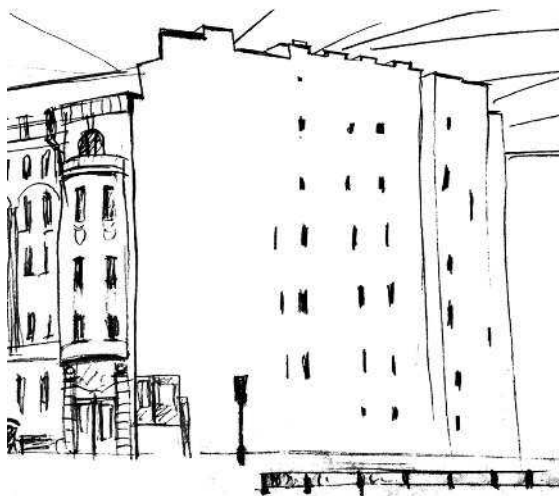

Жанна Вишневская

ДЕТИ ВОЙНОВА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
В55

Серия «Люди, которые всегда со мной»

Дизайн обложки и оформление макета книги:

Юлия Межова

В оформлении обложки использована работа

Михаила Иофина

Вишневская, Жанна Юрьевна
В55 Дети Воинова / Жанна Вишневская. — Москва:
Издательство АСТ, 2020. — 283, [3] с. — (Люди, ко-
торые всегда со мной).

ISBN 978-5-17-122186-7

Роман « Дети Воинова» — это семейная сага для взрослых, но рассказанная от имени маленького мальчика.

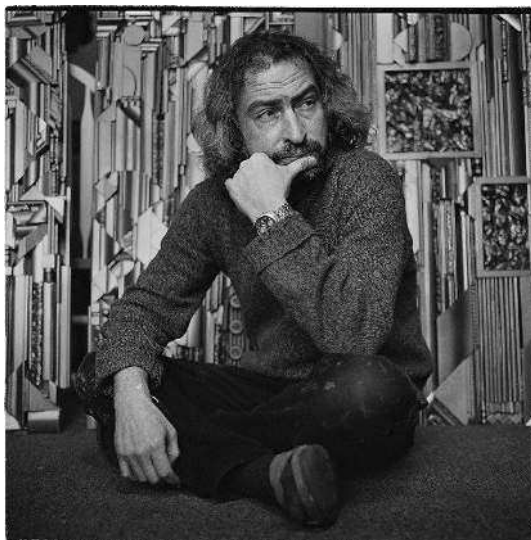
Центр повествования — коммунальная квартира на улице Воинова, в которой живут сразу несколько поколений.

История бесконечно трогательная, ироничная, наполненная любовью к большой дружной семье, к Питеру, тогда еще Ленинграду.

Книга посвящена бабушкам и дедушкам, мамам и папам, соседям и родственникам, стране, в которой мы когда-то жили и которой уже давно нет.

© Жанна Вишневская, текст, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Издание книги «Дети Воинова» пришлось на момент страшной эпидемии, которая косила людей на всех широтах. В это трагическое для мира время ушел из жизни мой брат, замечательный художник Михаил Иофин.

Наше детство прошло на улице Воинова, ныне Шпалерной. Миша очень любил рисовать Питера и хотел, чтобы одна из его картин иллюстрировала книгу.

Дорогой брат, твоё желание выполнено. Образ Гришки списан с тебя. Светлая память!

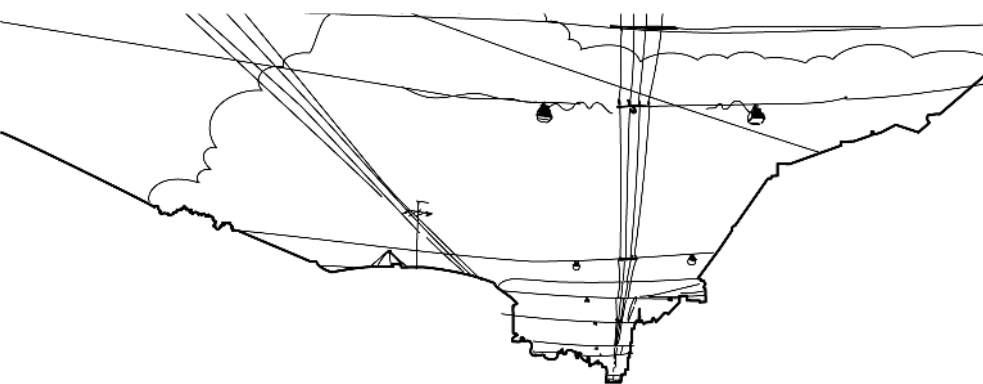
(Все деньги с продажи первого тиража пойдут на памятник Михаилу Иофину.)

Нашим дорогим бабушкам и дедушкам
посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не знаю, так ли назову этот роман, я даже не уверена, что мне удастся его закончить. Он будет создаваться глава за главой, чередой отдельных, но взаимосвязанных историй, в которых переплетутся судьбы невымышленных героев под вымышленными именами.

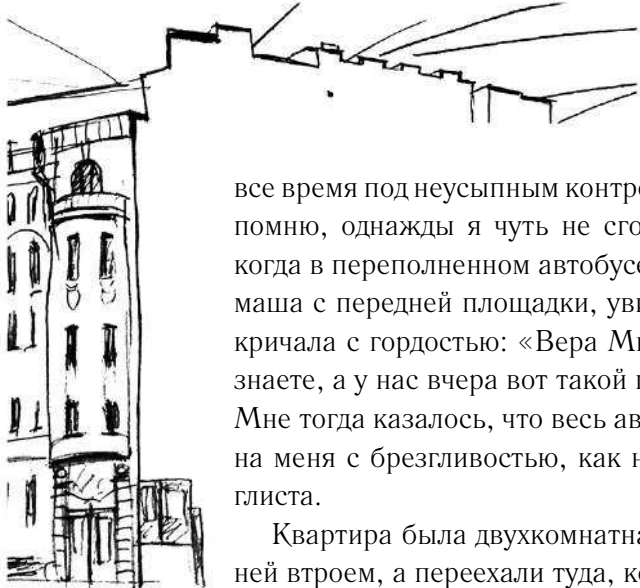
Со всеми персонажами этого романа я когда-то где-то встречалась. Они были или есть мои родственники, а может быть, просто знакомые. В какой-то степени этот роман автобиографический. Суждено его написать мне потому, что из детей Воинова, которые еще что-то помнят, я осталась последняя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как на *lamina cribrosa* поселился *crista galli*...

Дом наш был одним из первых кооперативных домов в Ленинграде и назывался в народе «домом еврейской бедноты», к коей лишь с большой натяжкой можно было отнести проживавших там зубных врачей, гинекологов, музыкантов и работников торговли. Более соответствовали инженеры, учителя и неприлегированные врачи, в частности моя мама, Вера Михайловна, простой участковый врач, к которой бегали все от мала до велика в любое время суток. Удобство заключалось в том, что тысячеквартирный дом был одновременно маминим участком: работая на полторы ставки, она обслуживала почти все парадные: чуть больше тысячи двухсот человек. Помню, как она умудрялась ставить бульон на маленький огонь и шла на вызовы, забегая в перерывах заправить суп или перевернуть жаркое. Неудобно было в основном мне. Мало того что

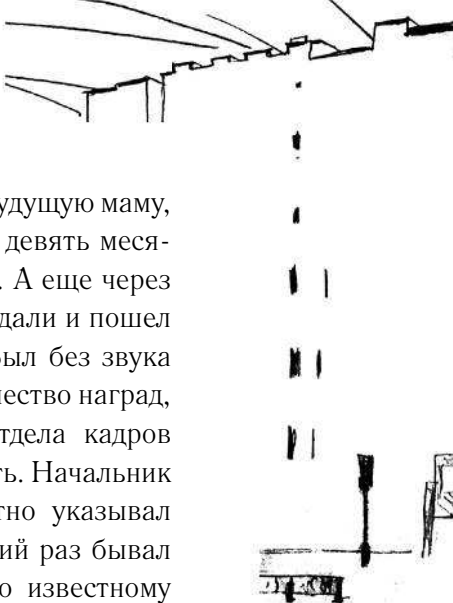
все время под неусыпным контролем, так еще, помню, однажды я чуть не сгорел от стыда, когда в переполненном автобусе какая-то мамаша с передней площадки, увидев нас, прокричала с гордостью: «Вера Михайловна, вы знаете, а у нас вчера вот такой глист вышел!» Мне тогда казалось, что весь автобус смотрит на меня с брезгливостью, как на того самого глиста.

Квартира была двухкомнатная, жили мы в ней втроем, а переехали туда, когда я уже пошел в школу. А вот начиналось мое детство в коммуналке в центре города, между Литейным проспектом и Летним садом, на узкой и загадочной улице Воинова, где жили мои покойные бабушка и дед, дяди, тети, сестры и братья — вся наша большая и дружная семья, от которой остались одни воспоминания.

Именно туда впервые привела мама моего отца.

Историю их любви я узнал от своего деда Миши, легендарного танкиста, прошедшего всю войну без единой царапины и одним из первых расписавшегося на стене Рейхстага.

Вернулся он с таким иконостасом, что все ахнули — полный кавалер ордена Славы, кавалер ордена Красной Звезды, на медали не хватало даже дедовой огромной груди, на которой с воплями и слезами и повисла моя бабушка Геня. Шестилетний сын Сенька хныкал и путался под ногами. Дед с недельку попил водки с соседями, успев в промежутках сделать

себе и бабушке дочь Веру, мою будущую маму, которая родилась аккурат через девять месяцев после его прихода с фронта. А еще через неделю дед нацепил ордена и медали и пошел на какой-то секретный завод. Был без звука принят — хоть и еврей, но количество наград, видимо, лишило начальника отдела кадров дара речи и возможности отказать. Начальник этот, кстати, потом неоднократно указывал деду на свою лояльность и всякий раз бывал так же неоднократно послан по известному адресу моим крутым, незамутненным еврейскими интеллигентными штучками дедом.

Вскоре дед получил две комнаты на улице Воинова, куда немедленно вселился со всей семьей и по доброте душевной прописал еще и потерявшую в войну мужа бабушкину сестру с двумя малолетними детьми. Огромную коммуналку перегородили стеной, и получилась почти отдельная квартира с маленькой узкой комнатой, которую почему-то называли нишенкой.

Бабушка и дедушка с детьми оказались в сорокаметровой комнате с лепными амурами под потолком и старинным камином, в котором, по слухам, граф, живший в доме до революции, прятал несметные сокровища. Подпитанные этими слухами и начитавшиеся приключенческих книг дети целыми днями возились у камина, простукивая его. Сенька однажды попытался с помощью самодельного устройства пробраться в дымоход, но

сорвался. Разбуженный грохотом, бабушкиными и Сенькиными воплями дед, не разбираясь после ночной смены, накидал сыну по шее, а разобравшись, накидал и по другим частям тела — за глупость.

Верочка, поплавав за компанию, стала залечивать брату раны, полученные не на поле, так на камине брани, и увлеклась настолько, что не могла остановиться до конца школы, благо Сенька с его умением влипать во все возможные и невозможные неприятности был просто неистощимым источником ран, синяков и порезов. Болели, правда, в основном не травмы от падений, а увечья, нанесенные не ведающей жалости рукой деда, который Макаренко за отсутствием времени не читал и в тонкостях воспитания разбирался мало.

* * *

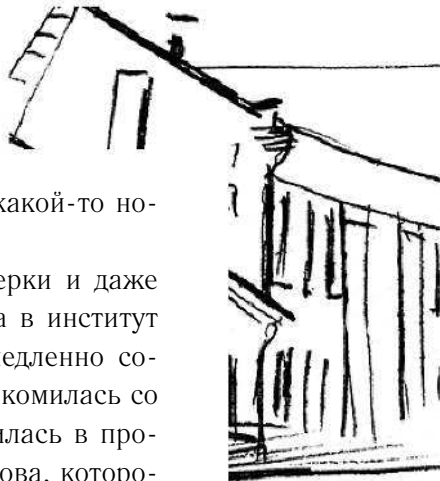
Если бы не вечные попытки залечить раны хулигана-брата, — кто знает, возникло бы у мамы желание стать врачом и появился ли когда-нибудь на белый свет ваш покорный слуга? Но желание возникло, училась мама, в отличие от Сеньки, хорошо и поступила вроде бы без проблем, благо на дворе стояла хрущевская оттепель. Правда, дед пару недель до поступления приходил домой поздно и сильно навеселе. Говорил, что встречался с однополчанами. Как потом он обмолвился, один из них был заведующим военной кафедрой в том са-

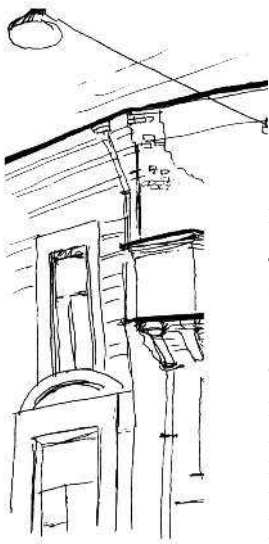

мом мединституте, а второй — какой-то номенклатурной шишкой в обкоме.

Так или иначе, получив четверки и даже одну пятерку — по химии, мама в институт поступила и, как все, была немедленно сослана на морковку, где и перезнакомилась со своими однокурсниками и влюбилась в простого русского парня Сашу Иванова, которому в дальнейшем и суждено было стать моим отцом. Саша был старше, после армии, не то чтобы красив, но в плечах широк, в меру остер на язык, слыл эрудитом и у дам пользовался популярностью. Верочке с ее заурядной внешностью, хрящеватым носиком и многозначительной фамилией вроде и не светило. Она исправно дергала морковку, выполняя дневную норму, чтобы заслужить поощрение бригадира, коим единогласно избрали Александра Иванова — в силу возраста и умения командовать. Вечерами, как положено, пекли картошку, бренчали на гитаре и знакомились теснее в близлежащих стогах, хоть нравы были и построжее нынешних. Впрочем, и стогов было немного. Верочку посмотреть на звезды не звали, да она бы и не пошла, помня крутой нрав деда.

После колхоза началась нормальная студенческая жизнь — с зубрежкой, обмороками в анатомичке, студенческими вечеринками, сплетнями, поцелуями в подъездах и прочими обязательными в студенческой жизни атрибутами.

Преподавателя по анатомии еще до них прозвали Тампоном. Этот невысокий старичок заслужил такое прозвище благодаря сплошь белой, как вата, голове. Сдать экзамен ему было трудно, и зубрили студенты, не жалея сил и используя переходящие из поколения в поколение стишки-запоминалки. Так, держа в руках анатомию Воробьева и бубня: «Как на *lamina cribrosa* поселился *crista galli...*», Верочка и воткнулась прямо в своего тайного возлюбленного и будущего мужа Сашу Иванова.

— Как ты сказала? Здорово, я уже запомнил. А дальше?

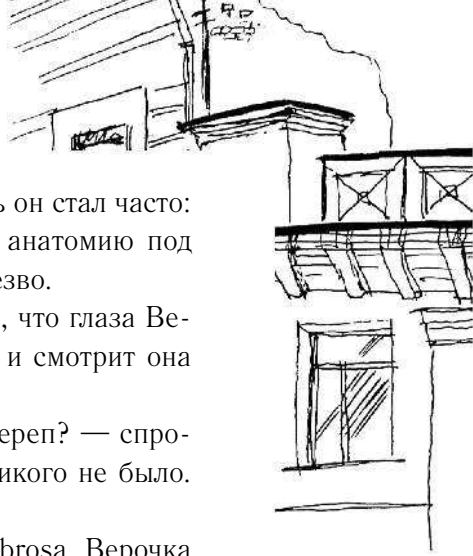
— Впереди *foramen saecum*, сзади *os sphenoidale...* — боясь поднять глаза, пробормотала Верочка.

— Гениально! — восхитился Сашка. — А Воробьева где взяла? Это же лучший атлас! У тебя череп есть?

Череп у Верочки, может, и был, но, поскольку мозг из него улетучился при виде Саши, фразы она выдавала короткие и не в такт.

— Череп дома.

Что в переводе означало, что второй номер атласа по анатомии находится на полке в родительской комнате. Иванов, однако, все понял, взял атлас под мышку, Веру под локоток и доставил обоих домой, где их встретила моя бабушка, накормила вкусно, говорила мало и вообще не мешала. Саше, видимо, это

понравилось, поэтому заходить он стал часто: ел много, угощение хвалил и анатомию под Верочкины стихи запоминал резво.

До тех пор пока не заметил, что глаза Верочки хороши необыкновенно и смотрит она этими глазами влюбленно.

— Как там, Верочка, про череп? — спросил он однажды, когда дома никого не было.

— Как на lamina cribrosa...

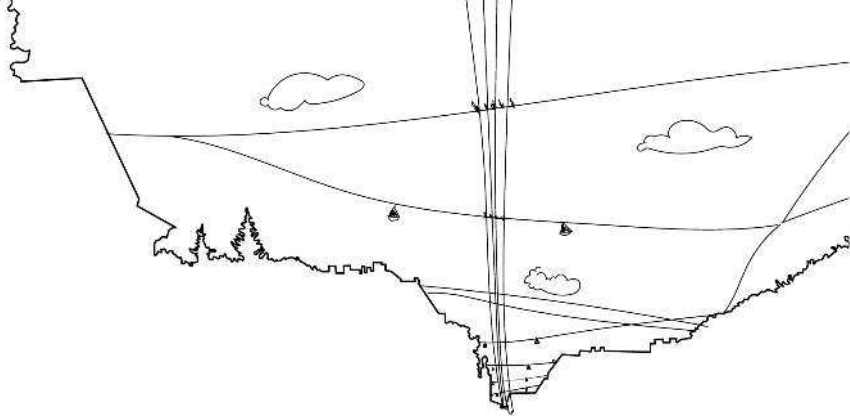
Кто поселился на lamina cribrosa, Верочка сказать не успела, потому что губы, руки и голова переключились на практические занятия по изучению человеческого тела. Освоив анатомию, они с Сашей занялись физиологией и преуспели настолько, что вскоре им понадобилась помощь специалиста в лице докторицы из женской консультации.

Получив доходчивое объяснение некоторым неожиданным явлениям в Верочкином организме, они отправились к ее родителям. Бабушка вытащила форшмак, а дедушка — водку. Верочка налегала на соленое — бабка с дедом переглянулись. По воспоминаниям бабки, дед налил стакан водки себе, потом Саше. Не чокнувшись выпили. Верочка замерла. Бабушка убрала из-под дедовой руки нож.

Несмотря на свою крайнюю необразованность и столь же крайнюю необрезанность, дед был евреем и выдать свою единственную дочь хотел все-таки за еврея. Саша Иванов в семью Липшицов вписывался плохо. Но тут вмешался мой дядя, единственный дедушкин

сын, нещадно поротый и беззаветно любимый. О чем он говорил с дедом, история умалчивает, но дед смирился и даже перестал смотреть на будущего зятя сквозь прорезь оптического прицела. Бабушка же, всегда смотревшая деду в рот, возразить хоть и желала, но не посмела.

Так в нашем доме появился мой отец, безнадёжно русский Александр Иванов, который по иронии судьбы много лет спустя станет великим знатоком еврейской религии и будет читать лекции об иудаизме по всему миру. Но это уже совсем другая история.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Спелый прыщ на любимой попе

После моего рождения приехали из Риги родители Саши — мои другие, не менее заслуженные бабушка и дедушка.

Папа мой в медицинский тоже попал не случайно. Все-таки вырос в семье фронтового хирурга, ныне флагманского хирурга Балтийского флота, и операционной медсестры.

Сашино первое знакомство с медициной произошло в возрасте семи лет, когда он нарыл у деда вышеупомянутый атлас Воробьева. Сначала он листал его без интереса и заметно оживился лишь на семнадцатой странице, где красовалась голая женщина в разрезе. Ознакомившись с подробностями ее строения, он за небольшую мзду стал приглашать любопытных одноклассников. За этим занятием он и был застукан бабушкой Серафимой. Бывшая фронтовая, а ныне операционная сестра голос имела зычный, сложение крепкое, а

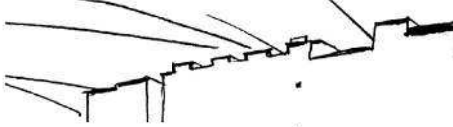

руку твердую. Саше пришлось переключиться на страницу двадцать пять, чтобы понять, на какую из трех существующих ягодичных мышц он уже целую неделю не может сесть. Усвоив основы анатомии в школьном возрасте, поступить в медицинский было несложно, тем более что разговоры за столом скорее напоминали консилиум. Дед имел обыкновение набрасывать схемы предстоящих операций на кухонных салфетках. Пятна клубничного варенья придавали реалистичности. Так как убирать со стола входило в Сашины обязанности, он изучил желудочно-кишечный анастомоз по Иванову раньше, чем познакомился в школе с теоремой Пифагора.

Осип Иванов был не просто рядовым хирургом. По единодушному мнению хирургического персонала Военно-морского госпиталя, он был Богом. На его виртуозные операции приезжали аспиранты из Москвы, Киева и Ленинграда. Бабушка Серафима краснела от гордости и подавала не глядя инструменты. Руки дедушки Осипа летали над операционным полем. Чуть выше порхали сердца студенток-медичек, безнадежно влюбленных в гениального хирурга, который любил только Серафиму и хирургию. Правда, хирургию он побаивался чуть меньше.

* * *

Четверо моих бабушек и дедушек сошлись на сорокаметровой территории — и тут же все

заболели тяжелой, хронической, неизлечимой болезнью, для которой не придумал лекарства ни великий Гиппократ, ни другие не менее именитые лекари всех времен и народов. Эта страшная зараза поражает без разбора всех бабушек и дедушек, всех мастей и страстей, под всеми широтами. Нет ничего страшнее и прекраснее этого недуга: он лечит и калечит, он делает нас сильными и слабыми, он помогает и мешает, он ранит и исцеляет. Все зависит от стадии и тяжести заболевания. Имя этого недуга — любовь к внукам.

Мои бабушки и дедушки подхватили ее в самой страшной и безнадежной форме. Разум все четверо утратили окончательно и бесповоротно. За право меня пеленать, мыть, кормить, петь мне колыбельные шли нешуточные бои без правил. Даже до смертоубийства один раз чуть не дошло. Жертвой стала моя двоюродная тетушка Хая, которая тоже проживала с нами, в маленькой нишенке с окном-эркером. Что пришло в ее рыжую буйную голову, когда однажды она увидела коляску со мной около почты? Дедушка Миша, по-видимому, отлучился на минутку взять газету. В те времена это было безопасно. Выйдя через секунду на крыльцо, он коляски с младенцем не увидел.

Дедушка помертвел. Если бы еще секунду спустя он не увидел на другой стороне улицы мою тетку, призывно махавшую ему одной рукой, придерживая коляску другой, у меня стало